

ских промышленных странах; вопрос же о сравнительных политических *итогах* этого движения, о занимаемом им положении по отношению к другим общественным течениям и об его роли в общем распределении политических сил оставался более или менее в стороне. Подразумевалось, что этот вопрос уже с достаточной определенностью разрешается самым фактом непрерывного роста и развития социалистического движения в рабочей среде, так как предполагалось, что, когда это движение достигнет определенных размеров, оно должно будет, в силу присущих ему революционных стремлений, овладеть политической властью и произвести соответствующий общественный переворот.

Но такая постановка вопроса могла бы считаться правильной только в том случае, если бы рост социалистического движения можно было рассматривать независимо от роста и развития других, противоположных ему, общественных факторов, или если бы этот рост совпадал с упадком и разложением противодействующих ему общественных течений; тогда одно собственное развитие социалистического движения уже достаточно определяло бы собою общее положение дела. Между тем, в той теории научного социализма, которую мы имеем в виду в настоящей статье, а именно в социаль-демократической теории, вопрос этот поставлен, как известно, совершенно иначе, так как самый рост социалистического движения оказывается в ней находящимся в прямой зависимости от роста и развития крупного капиталистического производства, составляющего главную основу экономического могущества буржуазии. Но так как вместе с ростом и развитием крупного капиталистического производства очевидно должно возрастать также политическое значение опирающегося на него общественного класса, т. е. буржуазии, интересы которой ставятся самым непосредственным образом в интересах социалистического движения, то ясно было, что при таком определении условий развития социализма одного указания на его непрерывное развитие уже недостаточно для подведения конечных политических итогов, так как дело идет здесь уже не об одном непрерывно развивающемся общественном факторе, а об известном соотношении между двумя одинаково растущими и развивающимися общественными силами: социализмом и буржуазией.

Легко видеть, в самом деле, что, когда данное общественное положение определяется прямым соотношением между двумя одновременно растущими и развивающимися общественными величинами, то такого рода формула является как бы уравнением с двумя неизвестными, не охватывающим всех элементов данного политического положения и не указывающим на приближение к какому-нибудь определенному политическому результату. Растет крупная капиталистическая промышленность и вместе с нею ра-

стет экономическое и политическое могущество буржуазии; с другой стороны, развивается социалистическое движение и вместе с ним развивается также известная политическая партия с совершенно определенными идеалами общественного переустройства. Но что же дальше? Где выход из этого замкнутого круга? Когда Бебель указывал в своей амстердамской речи на предстоящий дальнейший рост немецкой социаль-демократии, то при этом, согласно социаль-демократическому пониманию условий развития рабочего движения, необходимо подразумевалось также дальнейшее успешное развитие немецкой капиталистической промышленности; но развѣ дальнейшее успешное развитие немецкой капиталистической промышленности не предполагает неизбежного дальнейшего развития политического могущества немецкой буржуазии?

Несомненно, таким образом, что в современной социаль-демократической теории научного социализма замѣчается очень существенный теоретический пробѣл, оставляющий в полной неизвестности общественные и политические итоги социаль-демократического движения. Опираясь в своей главнейшей и даже единственной предпосылке на громадное развитие крупной капиталистической промышленности, она в то же самое время как бы совершенно не замѣчает той противоположной стороны этого явления, которая касается столь же громадного и столь же неизбежного развития политического могущества буржуазии.

В этом отношении *первоначальная* концепция научного социализма, — того научного социализма сороковых годов прошлого столетия, который был сформулирован в Коммунистическом Манифесте Маркса и Энгельса, — была, без всякого сомнения, гораздо полнее и законченнее. Она была построена, как известно, на том диалектическом процессе самоотрицания и саморазрушения капиталистического способа производства, который вытекал из экономических результатов самого этого способа производства, — на том разрушительном стихийном элементе *чисто экономического происхождения*, который зарождался в самом процессе капиталистического развития и вынашивался буржуазным обществом в своих собственных недрах. Таким образом, в этой первоначальной теории научного социализма, в самых свойствах крупного капиталистического производства уже оказывался источник не только его дальнейшего развития, но и его неминуемой экономической гибели. Таким неизбежным источником самоотрицания и саморазрушения капиталистического способа производства являлись в Коммунистическом Манифесте, как известно, все возрастающие промышленные кризисы, которые должны были вызывать в буржуазном обществе все усиливающиеся экономические потрясения, сопровождающиеся настоящими общественными катастрофами:

«...Современное буржуазное общество — читаем мы в Комму-